

Юрий Буйда

Слепые и жадные

*Часть сборника
Покидая Аркадию. Книга перемен*

Юрий Буйда

Слепые и жадные

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Буйда Ю. В.

Слепые и жадные / Ю. В. Буйда — «Эксмо», 2016

ISBN 978-5-699-90768-7

«...— Мы были настоящими дикарями, — говорил старик, — мы мечтали о воле, о звериной воле, а вовсе не об этой сраной свободе, которую придумали кремлевские счетоводы! Мы были из железа, крови и спирта, а они — они из чернил и сиропа! Какое время было, какое время... — Закуривал папиросу, ломал спичку. — А потом пришли свиньи и все сожрали... — Какие свиньи? — спрашивал Ефим. — Потом всегда приходят свиньи, Ефим...»

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90768-7

© Буйда Ю. В., 2016
© Эксмо, 2016

Юрий Буйда

Слепые и жадные

Родители развелись, когда Ефиму было пять.

Его мать, театральная художница, вскоре вышла замуж и исчезла из жизни сына, а отец, известный врач-невролог Истомин, маленький и пузатый, женился чуть не каждый год, всякий раз заводя при этом и любовницу. Одной из его жен была внучка легендарного героя Гражданской войны Вершинина.

Однажды Ефима отвезли на его дачу – там он и остался, там рос, там ходил в школу, в секцию карате, в кружок рисунка и живописи. Он считался правнуком генерала – огромного бритоголового старика с буденновскими усами.

– Почему Ефим? – строго спросил генерал, когда впервые увидел мальчика. – Из жидов?

– Дед, как тебе не стыдно! – сказала внучка. – Да у тебя каждая вторая жена была еврейской!

– Русские мы, Иван Софроныч, – сказал доктор Истомин, – тверские русаки.

Генерал, которому тогда было за восемьдесят, вставал с рассветом, делал зарядку, хрустя суставами на весь дачный поселок, плотно завтракал, пил крепкий чай, а потом весь день занимался садом и огородом. Он пел песни яблоням и грушам, заигрывал с розами и отпускал грубоватые шуточки в адрес вьетнамских кабачков, всячески обыгрывая их фаллическую форму. Хорошо выспавшись после обеда, он звал Ефима на речку. Старик долго и с удовольствием плавал, а потом прогуливался по берегу упругим шагом, хищно поглядывая на полуобнаженных дачниц, которые смущенно хихикали и отпускали комплименты генералу, поджарому и длинноногому, от плеч до пяток покрытому черным волосом.

Каждый день генерал упражнялся в стрельбе. Посылал Ефима за браунингом, который хранился в верхнем ящике письменного стола, и учил мальчика стрелять. У Ефима получалось не очень, а вот старик с двадцати шагов попадал в левый глаз артистки Судаковой, бывшей его жены, оставившей после себя на чердаке толстую пачку афиш.

По вечерам, выпив за ужином самогона, который он гнал в садовом домике, старик пускался в воспоминания о конармейской юности, восхищаясь прирожденным воякой Буденным, которого называл «батькой Семеном», и ругая луганского слесаренка Ворошилова, «подхалима, комиссаришку и бездарь». Он вспоминал о трубачах Первой конной и стотысячных лавах, с ревом срывавшихся в атаку, о жестоких боях под Горловкой и Дебальцево, о еврейках и польках, всласть наставлявшихся под красными конниками, о кровавых рассветах революции, занимавшихся над Европой, над всем миром, о героях и предателях...

– Мы были настоящими дикарями, – говорил старик, – мы мечтали о воле, о звериной воле, а вовсе не об этой сраной свободе, которую придумали кремлевские счетоводы! Мы были из железа, крови и спирта, а они – они из чернил и сиропа! Какое время было, какое время... – Закуривал папиросу, ломал спичку. – А потом пришли свиньи и все сожрали...

– Какие свиньи? – спрашивал Ефим.

– Потом всегда приходят свиньи, Ефим...

Старику было мало Оксаны – ладной кобылки из Винницы, которая готовила еду, стирала, мыла полы и исправно служила в генеральской спальне. По субботам и воскресеньям к старику приезжали гости. Это были женщины от тридцати до шестидесяти, разодетые и надушенные, в туфельках на тонких каблуках, все как одна в теле. Генерал устраивал по такому поводу ужин с вином и цветами, надевал костюм и белоснежную рубашку, был галантен и импозантен, играл на гитаре и пел старинные романсы, а после ужина провожал даму в спальню, где потом долго гремела кровать и раздавались женские вопли...

К завтраку старик выходил свежим и бодрым.

– Любовь, душа... – Он пренебрежительно фыркнул в чашку с чаем. – Душа – дура, всегда лжет и заплетается, а вот тело никогда не врет...

Ефим не мудрствовал о душе и теле – он просто трахался напропалую с соседскими девчонками и их матерями, которые занимались сексом из любви к искусству или от скуки, и с дочерьми прислуги, пока они не поняли, что он не наследник дома и денег генерала.

В его комнате по стенам были развешаны листы ватмана, на которых карандашом и углем он запечатлел всех своих женщин.

Один из обманутых мужей нанял громил, которые должны были проучить юного ловеласа, но Ефим избил громил до полусмерти, а «мерседес» обманутого мужа сжег вместе с гаражом. Впрочем, доказать причастность Ефима к этому пожару так и не смогли.

Старик умер в саду, упал в розовый куст и замер.

Как только Ефим понял, что генерал мертв, он оставил Оксану рыдать над телом хозяина, а сам бросился в кабинет за браунингом. Пистолет он спрятал в саду. Милиционеры забрали из дома все наградные сабли и пистолеты, но про браунинг и не заикнулись: похоже, старик зарегистрировал не все свое оружие.

В тот же день отец отвез его домой, на Покровку, но через полгода доктора Истомина арестовали, судили и надолго посадили: он годами помогал детям из хороших семей уклоняться от службы в армии, зарабатывая на этом огромные деньги.

Во время последнего свидания доктор Истомин попросил Ефима не продавать квартиру на Покровке:

– Ни за что, понимаешь? Вернись – заживем, поверь мне.

На следующий же день после вынесения приговора Истому-старшему на Покровке появилась мать Ефима, которую он не видел десять лет. Суд назначил ее опекуницей над несовершеннолетним сыном. Кира Георгиевна увезла сына к себе, в Подмоскovie, а московскую квартиру сдала грузинским бандитам.

На новом месте Ефиму не понравилось: огромное кочковатое поле с кучами строительного мусора, металлолома и московскими высотками на горизонте, двухэтажный поселок, клуб с обшарпанными колоннами, продуктовый магазин с пьяницами под дверью, закрытый военный завод с битыми окнами, школа с недостроенным бассейном, в котором кисла и пузырилась зеленая жижа, грязный лес, тянувшийся до станции пригородной электрички, унылые субботние пикники на берегу озера, образовавшегося на месте заброшенного карьера...

– Серый, серая, серое, серые, – резюмировал он свои впечатления о поселке.

– Уважение к серости дается труднее, чем уважение к святости, – наставительно проговорил дед по матери, бродивший по квартире в кальсонах. – И вообще, держи-ка ты язык за зубами, люди тут могут тебя правильно понять – хайло-то набьют...

Впрочем, через месяц деда не стало. На кладбище пришли десятка два стариков, работавших когда-то на военном заводе, где дед был начальником цеха. Один из пьяных оркестрантов упал в яму, и его вытаскивали всем миром, чертыхаясь и хохоча, а потом в эту яму опустили гроб с телом деда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.